

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

Александр Георгиевич Евангулов, самый младший из братьев, окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Однако счёл предпочтительнее работать на одном из ленинградских заводов в качестве высококвалифицированного мастера цеха.

Подробности о нём, о его гибели от голода в блокадном Ленинграде и о том, как хоронила я его на саночках, описаны мной во второй части воспоминаний.

Резюмирую: из перечисленных лиц, связанных кровным родством, включая и главного участника повествования — моего отца, в 1920-х — 1930-х годах были арестованы и умерщвлены — четверо.

О старшем сыне — Павле Павловиче Евангулове, моём отце и основном действующем лице, а также о его сестре Марии Павловне — речь впереди.

Остановлюсь только на некоторых моментах из биографии моей бабушки Елизаветы Ефимовны и скажу о её большом художественном таланте, переданном по наследству её второму сыну — Сергею Павловичу Евангулову. (Из Большой Советской Энциклопедии (М., 1971. Т.3.С.670): «Скульптор. Один из первых сов. художников, начавший работать над скульптурой малых форм из кости и твёрд. пород дерева... Выставки его работ состоялись в 1945, 1953, 1963, 1974 гг. в Москве...». Вышла монография: Степанян Н. С.П. Евангулов. — М., 1977.)

Елизавета Ефимовна Евангулова родилась в семье старосты церкви «Знаменья» Евфимия Федотовича Калистратова. В 1981 году Сергей Павлович поведал мне в письме, что прадед мой

«Владел большой мастерской церковного оборудования — оклады, хоругви, подсвечники, канделябры и даже специальные лампы. По рассказам мамы, он всегда работал одетым в сюртук, неплохо говорил по-немецки, т.к. изучал это мастерство ещё мальчиком в мастерской у немца. Был очень преданным, воспитанным и очень скромным и добродушным (очень любил свою дочку, т.е. твою бабушку). Дал всем детям по старшинству: Коле, Феде, Лизе, Саше, образование (дяде Саше — высшее)... О моей бабушке (твоей прабабушке) от мамы знаю, что она была редкой доброты и гостеприимства. Звали её Мария Ивановна, родилась она в «Немецкой слободе», под Петербургом. Организация, очевидно, солидная и зажиточная. М.И. с юности была отдана на обучение в специальную школу золотошвейную, где научилась очень сложному художественному вышиванию золотом для разнообразных целей (мундиры для военных, чиновников, военных) — раньше это было очень нужное и сложное дело...».

Призвание к воспитанию детей подсказало Елизавете Ефимовне в юности получить звание учительницы Народной школы, популяризовавшейся в конце XIX века для обучения детей на основе православия. Даже уже будучи замужем, бабушка успела поработать в воскресных школах разных городов. Бог наградила её и многими прочими талантами. В своей трёхстраничной главке «Моя неудавшаяся художественная карьера», из дневниковых записей, бабушка в ироничной форме поведала, как ради забавы лепила «...из мягкого черного хлеба, смешанного с графитом, всевозможные цветы, за что брат очень похвалил». Учась тем временем в пансионе, пятнадцатилетняя девочка показала одно из своих произведений учительнице рисования

«...очень хорошей художнице — Матвеевой А.П. ... — она пришла в восторг, потащила показывать нашей начальнице, и пошла судить-рядить, решили, что я талантливая и обязательно должна учиться рисованию и лепке... В конечном итоге забрали мои кое-какие работы и понесли их на суд академику Чижову — директору художественной школы барона Штиглица. Тот признал талант и приказал поступить к нему в школу, обещая помочь в моей «карьере». Но проявив легкомыслие, я и тут отказалась. Правда, желая отблагодарить моих хлопотушек, я поступила в школу «Общества поощрения художников», где директором был Сабанеев и попечителем писатель Григорович...».

Однако, несмотря на большие успехи юной художницы, она

«...Вскоре опять забросила свою художественную учёбу. Годы прошли, вышла замуж — родила троих детей, в том числе и тебя, Серёженька... утешение моё, что Божья искра все же не потухла во мне, а ярко разгорелась в моём сыночке... Отец ваш, узнав про мои таланты, купил мне пластическую глину; стеки у меня остались ещё от Морозова и Гаугер... Стала я лепить, и на одной из выставок в Нижнем Новгороде (мы тогда там жили) мои работы имели большой успех. Опять начали приставать художники

— один очень известный — Карелин, большой знаток старинных икон, но я не вняла и учиться времени не нашла. Но в утешение своих близких стала заниматься живописью масляными красками, а под старость писать акварелью...».

Бабушкины картины украшали как её жилище, всегда привлекая внимание, так и наши комнаты до 1937 года. Одна из акварелек у меня сохранилась. Тончайшие же её рукоделия и всяческие расписанные ею ширмы радовали глаз.

Великая материнская любовь и воздействие духовной сути Елизаветы Ефимовны поселили в сердцах её детей глубокое ответное чувство. В её письмах к ним встречаются такие фразы:

«Как перед Богом говорю, что если бы судьба меня спросила — не могу ли я вернуться и начать сызнова, ведь и мне немало сулили, но чтобы вас у меня не было, — я не хочу. Вы в своё время дали мне столько счастья, удовлетворения, такую полноту жизни, что никакие глиняные и мраморные куклы не дадут того, что дали мне мои живые, благородные и преданные дети. Благословляю Бога за вас и иных не хочу...».

Несколько позже, в 1924 году, в письмах бабушки начинают мелькать и наши имена — её внуков:

«Женечка весела и, слава Богу, здорова, так ласкова ко мне, что прямо трогательно, и вообще ребятишки так меня, видно, любят, что я, должно быть, не злой человек, потому что дети чутки... Утешение наше Тёмочка (Бухарев Артемий Николаевич, двоюродный брат Евангуловой Е.П.) — ласковый, весёлый и отзывчивый крошка, плакать мне не даёт, так и заласкает своими лапками».

К кратким упоминаниям в первой части повести о горячо любимом с самого моего детства дяде Серёже, здесь посвящу ещё несколько абзацев ему и его жене Ирине Николаевне. Окончив в начале Первой мировой войны артиллерийское училище (ускоренный выпуск), Сергей Павлович успел отвоевать в чине офицера, а затем, отдавшись своему призванию, с успехом окончил ВХУТЕМАС.

Природная скромность или, быть может, отсутствие в его работах «идеологической тематики» не способствовали восхождению Сергея Павловича по наградной лестнице. Титул Заслуженного художника РСФСР он получил только в 1970 году, в 77-летнем возрасте.

Часто в его скульптурах присутствовала патриотическая тема. Например, зачаровывают мастерством и красотой исполнения: «Суворов», «Сусанин», «Строитель древней Москвы», «Гусляр» — всё из мамонтовой кости размером около 15 см, или маски — от сурового лика «Мастера старой Руси», из моржовой кости, до мудрых и великих своей вековой культурой образов: «Армянского мыслителя», из чёрного дерева, и «Просветителя древней Армении» (зуб кашалота с ореховым деревом) — как дань обоим истокам происхождения художника.

В 1923 году Сергей Павлович женился на Ирине Николаевне, дочери известного рыбинского терапевта Николая Фёдоровича Чиркина. В превосходно образованной, со знанием иностранных языков, машинописи, стенографии, и вместе с тем, высокообразованной барышней он нашёл верную до конца дней подругу и помощницу. Оберегая талант и вдохновенное творчество супруга, Ирина Николаевна смолodu погрузилась в домашние заботы, а в дальнейшем — в пестование их поздно родившейся единственной дочери Оли (Евангулова Ольга Сергеевна), таким образом навсегда превратившись в домашнюю хозяйку.

Правда, толчком к её уходу со службы явилось следующей обстоятельство: заметив большие способности Ирины, хорошее знание языков и стенографии, её настоятельно стали приглашать на работу в «органы». А это совершенно не вписывалось ни в убеждения, ни в желания молодой семьи.

А теперь о двоюродных брате и сестре моего отца.

Николай Георгиевич Евангулов и Елена Георгиевна Кноплясова-Евангулова — дети Георгия Георгиевича и Марии Михайловны (Поповой).

Только с конца 50-х годов, определяемых как «оттепель», моё поколение исподволь стало узнавать, каким было наше отечество накануне 1917 года с его истинной историей, плотно окутанной чёрным покрывалом с помощью стоящих на страже советских идеологов. Осуществляли мы это знакомство, окунаясь в запретную литературу, источниками которой большей частью служили российские эмигранты начала 20-х годов нашего века, те, кого, к счастью, не постиг «шадровский бульжик», и в литературу, получившую, наконец, у нас доступ к изданиям М.А. Булгакова, или Вячеслава Шишкова с его страшной повестью «Пейпус-Озеро», или, много позже, В. Катаева с неожиданно смелым произведением «Уже написан Вертер» (Катаев В. Уже написан Вертер // Новый мир. № 6. 1980.) и т.п.

Теребя в 1970-х — 1980-х годах своих уже немногочислен-

ных престарелых родственников, в частности, Николая Георгиевича и Елену Георгиевну — очевидцев тех отдалённых исторических событий, я получила от них в дар ряд заметок о характере общества предреволюционной России и самой гражданской смуты.

Так, тётя Лена поделилась со мной некоторыми воспоминаниями: излучающими любовь отрывками о моём отце, выдержки из которых помещены далее, краткими заметками об «Александровской женской гимназии ведомства Императрицы Марии Фёдоровны», помещавшейся на ул. Гороховой (переименованной при Советах в ул. Дзержинского) в д.20, где Лена училась в 1911—1917 годах, и о своей большой дружбе с классной дамой — княжной Наталией Дмитриевной Оболенской, вплоть до отъезда последней в Америку. Эта обворожительная, со слов Елены Георгиевны, женщина, выйдя в 1915 году замуж за Павлоградского гусара П.М. Устинова, в 1917 году, сразу же потеряв отца, арестованного и загубленного ЧК, вынуждена была поступить официанткой в кафе на Караванной улице, где работали многие «осколки разбитого вдребезги» и где подкармливалась сама Лена — уже начинался голод.

Холодной осенью 1918 года она проводила Наталью Дмитриевну с мужем на пароход, а позже получила открытку из Норвегии о благополучном их прибытии.

Самый же большой по объёму материал, из переданных мне Еленой Георгиевной, касается её воспоминаний о войне 1941—1945 гг. и оккупации, в которую она угодила 1 сентября 1941 года под Лугой с мужем, Сергеем Николаевичем Кноплясовым, и двумя дочерьми — Наташей, 10-ти лет, и Таней, 2-х лет. Из 40 машинописных страничек, интересно изложенных ею в 1967 году, коснусь здесь одного эпизода.

После долгих голодных мытарств, в марте 1942 года, Елене Георгиевне, наконец, удалось устроиться прачкой при одной из немецких частей, что обещало хоть какое-нибудь пропитание:

«Мы были спасены, все стали приходить в норму, но работать мне приходилось по 20 часов в сутки... Эта моя «удача» стала поперёк горла соседям, стали завидовать, и тут сосед Миша (ещё довоенный) пошёл в полицию и заявил, что я еврейка (Лена из всей плеяды обрусевших родственников обладала резко выраженной армянской наружностью. — Е.Е.). Сам пришёл и сказал мне, что скоро меня вызовут и мне конец.

Действительно, меня скоро вызвали в полицию, русскую, я показала свои метрику, паспорт, свидетельство о браке, и они как будто успокоились. Но не успокоился Мишка, досадуя, что ему не поверили, и он полез выше.

Теперь я уже стала иметь дело с гестапо... И вот наступил последний день, когда мне сообщили, что будет самый главный начальник и за ним останется последнее слово.

Надежды у меня не было никакой, т.к. мне сказали, что хоть документы у меня и правильные, но, скорее всего, я их купила.

Все мои мысли были о детях! Наступило утро, я попрощалась со всеми и пошла с Наташей. Невдалеке от полиции сели на скамейку. Я стала говорить старшей дочери, что поручаю ей Таню. Наташа расплакалась.

Происходило это всё в мае 1942 года. Вскоре на легковой машине приехал самый главный полицейский. Он чисто, прекрасно говорил по-русски. Все мои документы лежали перед ним на столе, он стал просматривать их и задавать вопросы. Потом вдруг спросил: «Вот, сейчас мы узнаем, истинные ли Ваши документы или подложные. Вы урождённая Евангулова, и если Вы действительно таковая, то не скажете ли, кто из Ваших родственников жил в Риге и как его звали?» Я говорю: «Конечно, скажу. Жил в Риге мой родной дядя, Богдасар Георгиевич, и был он начальником Рижского Почтово-телеграфного округа».

«Забирайте, — сказал он — документы, и Вы свободны, т.к. доказали свою правоту. Я жил в Риге, знал Б.Г. Евангулова и доподлинно знаю, что он армянин». Уже по окончании войны я узнала, что этот немец, будучи ещё студентом, ухаживал за бонной, жившей у дяди Бади, и часто бывал в его доме.

Несмотря на огромную радость, я не растерялась и попросила дать мне какую-нибудь бумагу, подтверждающую, что я не еврейка.

— Правильно, — сказал полицейский, и мне выдали документ, где со всеми штампами и подписями заверялось, что отец у меня армянин, а мать русская. Эта бумага хранится у меня по сей день. И если бы не она, то не писалась бы эти строки, т.к. выручала она меня не раз!

(Продолжение в следующем номере).